

Что вы думаете о Кесьлевском?

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Анастасия МАШКОВА

Хотелось бы возразить В.Баскову с его резко полемичным, если не язвительным отзывом на трилогию Кшиштофа Кесьлевского "Три цвета" ("Культура", 27 июля с.г.), но... Подумалось: а кому собственно надо адрессовать претензии автора относительно сложности, утопичности и т.п. просмотра сериала из трех самостоятельных фильмов? Уж не самому ли великому, ныне покойному режиссеру из Польши? Или его французскому продюсеру, энтузиасту кинематографа Марину Кармитцу, осуществившему этот уникальный проект? Может быть, таким же, в сущности, энтузиастам кино из компании "Мост-Медиа", благодаря которым трилогия Кесьлевского наконец-то достигла России? Скорее все это упрек нашему провинциализму, нашему не-присутствию в едином мировом пространстве кино. Укор самим себе в конце концов.

Замысел Кесьлевского и Кармитца совершенно не предполагал одно-моментного просмотра всех "Трех цветов". Кстати, все три фильма "в одной упряжке" впервые были показаны именно в России, на кинофестивале "Янтарная пантера" в 1994 году. Остальные же страны единого европейского дома познакомились с творением Кесьлевского поэтапно. "Синий" дебютировал на Венецианском кинофестивале в 1993-м, где и получил Гран-при. "Белый" завоевал приз за лучшую режиссуру в Берлине-94. "Красный" впервые был представлен публике в Каннах-94 и — триумфальное шествие трилогии пошло по нисходящей — впервые остался без наград. Однако американская Академия кино отпраздновала на неслыханный жест уважения по отношению к живому классику: "Красный" стал первым в истории иноязычным фильмом, включенным в основную номинацию "Оскара". Но сам режиссер уже решил уйти из кино.

Кесьлевский прекрасно понимал, что свой творческий пик, достигнутый в гениальном "Декалоге", он миновал. И все-таки

риску утверждать, что классиком при жизни и "последним из классиков" после смерти он был признан и за "Три цвета". Эти фильмы действительно, как и рекоммендует наш автор, надо пересматривать.

Есть романы идей, таковы, например, "Братья Карамазовы" Достоевского. Точно так же "Три цвета" — фильмы идей. Ведь сюжеты картин не ограничиваются воспроизведением эпизодов из судебной хроники, а восходят к идеям Свободы, Равенства, Братства, которые символизируют три цвета французского флага. Кесьлевский и его постоянный соавтор, сценарист Кшиштоф Песевич создали ленты, в которых нет ни одной лишней детали, чем больше к ним возвращаешься, тем больше в них открываешь.

Поэтому беглый, а порой и заведомо сниженный пересказ по принципу анекдота, не дает ровным счетом никакого представления о трилогии. Журналист уверенно пишет: молодая дама сочиняла музыку за своего мужа — композитора. Но Жюли из "Синего" отрицает все сомнения окружающих на сей счет. И, одновременно, "слышит", "помнит" (замечательно использованный прием внутреннего монолога) последнее произведение мужа — кантату, написанную на слова I Послания апостола Павла к коринфянам. Авторы фильма и не пытаются объяснить, кто же в их семье был истинным автором музыки. И так ясно, что для этих людей любовь была абсолютным слиянием, в том числе и творческим, удивительным проникновением одного в мир другого. А после смерти мужа Жюли нечаянно узнает, что у мужа давно была другая женщина, скоро на свет появится их ребенок... Такой вот банальный поворот сюжета. Для Жюли это новое знание становится освобождением. Теперь она способна плакать, знает, что есть те, кому можно завещать пустой дом погибшего человека, может, наконец-то, "вспомнить" и обнародовать последнее произведение мужа. Истинная любовь, как сказано у апостола Павла, не только всем жертвует и не ищет выгоды, но и прощает все.

Высокая нота, взятая Кесьлевским в "Синем", лучшим фильме трилогии, заставляет иначе взглянуть на, казалось бы, сугубо восточноевропейскую и сиюминутную

коллизии "Белого" ("новый поляк" в новой Польше, а также на randevu с красавицей Европой). На почти розовый, откровенно сказочный финал "Красного". Избалованная французская красота поймет, что все странности и дурацкие поступки ее польского мужа — от огромной любви к ней и пойдет за своим Каролом на край света. Старый судья, однажды испугавшийся того количества зла, что допущено в наш мир, вновь обретает веру в людей, встретив юную Валентину. По Кесьлевскому и Песевичу значение Свободы, Равенства и Братства уходит в лабиринты смысла и только любовь дает нам путеводный свет. Конечно, в наше время авторы "Трех цветов" кажутся чуть нелепыми идеалистами: кто еще сейчас рискнет рассуждать о столь высоких материях серьезно и вслух.

Подчас раздражает, что в журналистском, критическом обиходе мы привычно оперируем набором этикеток: "великий режиссер", "его последний фильм", "приз на фестивале", "официально признан Ватиканом"... Например, главную роль играет Третьянян и, значит, играет гениально. А вот о менее известной (у нас, но не для любителей кино) Жюльетт Бинош можно отозваться поверхностно, в чисто фельетонном духе. Хотя свою роль в "Синем" она сыграла тонко, сдержанно, интеллигентно, совершенно преобразясь внутренне и внешне, что и подтверждено наградой в Венеции и премией "Сезар". Хорошо, когда критик пытается увидеть фильм "без этикеток", правда, ему все же придется принять условия общей игры и напоминать под конец статьи: фильм признаю неудачей, но мастера признаю мастером. Правда как Мастер, судя по статье В.Баскова, режиссер уже кончился.

Кесьлевский, между тем, ушел — сначала из кино, а потом из жизни в свой черед. Он не собирался снимать хронику или метафизику, или еще что-то дальше. Он ушел, решив все возможные профессиональные задачи и всегда оставаясь собой. Похожая и не похожая на запрещенные или полузапрещенные польские ленты, на абсолютный шедевр Кесьлевского "Декалог", роскошная паневропейская трилогия также принадлежит вечности. После смерти мастера это стало еще более очевидно.